

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Стихотворения	21
Вячеслав Иванов	22
Язык.....	22
«У лукоморья дуб зеленый...»	23
Константин Бальмонт	24
Здесь и там	24
Разлучность.....	25
Иван Бунин	26
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»	26
«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»	27
Лидия Бердяева	28
Сон.....	28
Встреча	29
Георгий Голохвастов	30
Свеча	30
Вьюга	30
«Всем жизнь моя была богата...»	31
Владислав Ходасевич.....	32
«Я родился в Москве. Я дыма...»	32
Берлинское	33
Перед зеркалом.....	34
Пробочка.....	35
«Перешагни, перескочи...».....	35

Петр Потемкин.....	36
Переход	36
Эйфелева башня	39
Яр.....	40
Игорь Северянин	42
Классические розы.....	42
Тишь двоякая.....	43
Грустный опыт.....	44
Валентин Горянский	45
Лавочка сверчков	45
Завороженный край	47
Саша Черный	48
Голос обывателя.....	48
Жилье.....	51
Дон-Аминадо	52
Города и годы.....	52
Уездная сирень.....	54
Вечеринка	55
Николай Агнивцев	56
Вдали от тебя, Петербург	56
«Вы помните былые дни...»	59
Арсений Несмелов	60
На водоразделе	60
Голод.....	61
Письмо.....	62
Мать Мария (Скобцова)	63
«Не голодная рысит волчиха...»	63
«Мы не выбирали нашей колыбели...».....	64
«Не буду ничего беречь...»	64

Георгий Адамович	65
«Что там было? Ширь закатов блеклых...»	65
«Когда мы в Россию вернемся...»	66
«За все, за все спасибо. За войну...»	67
Василий Сумбатов	68
Два сувенира.....	68
Николай Оцуп	70
«Дело неизвестно в чем...»	70
«Возвращается ветер на круги своя...»	71
«Раньше я мучился муками ада...»	72
Георгий Иванов	73
«Над розовым морем вставала луна...»	73
«В тринадцатом году, еще не понимая...»	74
«Звезды синеют. Деревья качаются...»	75
«Эмалевый крестик в петлице...»	75
«Полу-жалость. Полу-отвращенье...»	76
«Это звон бубенцов издалёка...»	77
«Несколько поэтов. Достоевский...»	78
«В ветвях олеандровых трель соловья...»	78
«Жизнь продолжается рассудку вопреки...»	79
Ирина Одоевцева	80
«Вечность? Но вечности нет...»	80
«Дождь шумит по грифельной крыше...»	81
Александр Перфильев	82
Бессмыслица	82
Вера Булич	83
«Кричат на улице, играя, дети...»	83
Иван Савин	84
«Оттого высоки наши плечи...»	84

«И канарейки. И герани...»	85
Николай Туроверов	86
Крым.....	86
«Мороз крепчал. Стоял такой мороз...»	87
Раиса Блох.....	88
«Принесла случайная молва...»	88
Владимир Смоленский	89
Стансы	89
Стихи о Соловках.....	91
Борис Поплавский	92
«В холодных душах свет зари...»	92
«За стеною жизни ходит осень...»	94
«Я люблю, когда коченеет...»	95
Юрий Одарченко	96
«На вокзале, где ждали, пыхтя, паровозы...»	96
«Я умираю бессловесно...»	97
Ирина Кнорринг	98
«Россия! Печальное слово...»	98
Мыши.....	99
«Я люблю заводные игрушки...»	100
«Темнота. Не светят фонари...»	101
Анатолий Штейгер	102
«Мы говорим о розах и стихах...»	102
«Неужели навеки врозь?...»	102
«В сущности, так немного...»	103
«Слезы... Но едкие взрослые слезы...»	104
«Не до стихов... Здесь слишком много слез...»	104
«У нас не спросят: вы грешили?...»	104

Юрий Мандельштам	105
«Ну что мне в том, что ветряная мельница...»	105
«Какая ночь! Какая тишина!...»	106
«Как Пушкин, в снежном сугробе...»	107
Лидия Алексеева	108
«Адам и Ева изгнаны из рая...»	108
«Догорали елочные свечи...»	109
«Так зябко было. И моя рука...»	110
«Утром птица на кресте поет...»	111
«Спасибо, жизнь, за то, что ты была...»	112
Христина Кроткова	113
«За радость вашу и нашу...»	113
Биографический справочник.....	114

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия русского зарубежья — это океан стихов, множество поэтов и несколько исторических эпох. Наш сборник посвящен поэтам послереволюционной волны эмиграции, и почти все включенные в него стихи написаны до Второй мировой войны. Они принадлежат эпохе, которую называют латинским словом *Interbellum* («между войн»), одновременно яркой, праздничной и трагичной для всей европейской культуры. И даже эта часть русской зарубежной поэзии будет представлена пунктирно, без намека на академическую полноту и объективность. Если говорить о принципах отбора, то мы старались выбрать самых ярких авторов и отобрать стихи, которые, с одной стороны, показали бы их индивидуальность, с другой — отразили и внешние, и внутренние особенности эмигрантской жизни, а кроме того, живо отозвались бы в душах наших современников, были бы им понятны и близки.

Когда ближе знакомишься с творчеством уехавших поэтов, начинает казаться, что из России разом уехал весь Серебряный век с его утонченной, хрупкой культурой, с точным владением техникой стиха, а главное — с привычкой мыслить, жить, дышать стихами. В России таких поэтов почти не

осталось, и жизнь их складывалась трагически. Новые же авторы принадлежали другой эпохе и имели за редкими исключениями уровень культуры, не сопоставимый с уровнем предшественников. Между тем в эмиграции оказались тысячи поэтов, продолжавших или начинавших творить на том же высочайшем уровне, на каком в России оборвался Серебряный век.

Владимир Маяковский, восторженно принявший революцию и верно ей служивший, написал однажды горькие строки:

Хорошо у нас
 в Стране Советов.
Можно жить,
 работать можно дружно.
Только вот
 поэтов,
 к сожалению, нету —
впрочем, может,
 это и не нужно.

«Юбилейное», 1924

Среди оставшихся на родине есть несколько поэтов, которых сейчас все чаще называют великими. Возможно, они стали такими потому, что только их голосами Россия продолжала говорить о себе что-то главное.

Среди уехавших мы видим множество прекрасных, настоящих, состоявшихся поэтов, чьи голоса не обрели такой же силы. Их поэзия вынужденно говорила от лица достаточно узкого круга соотечественников, оставшихся без родины, их струны прозвучали чисто, но негромко. Но лирика быть громкой и не обязана. О жизни души обычно незачем кричать.

Итак, мы познакомимся со стихами поэтов только первой волны эмиграции — их творчество продолжило традиции Серебряного века. Стихи расположены «по старшинству» — по датам рождения авторов. По такому принципу составлена четырехтомная антология поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой...» (М: Московский рабочий, 1995), что дало возможность показать, из каких пластов состояла литература эмиграции и как она развивалась.

Сборник открывают стихи авторов, принадлежащих старшему поколению. Они сложились как поэты задолго до того, как в России разразилась катастрофа, имели в свое время громкую славу и признание. Вячеслав Иванов — один из «старших» символистов, критик с непререкаемым авторитетом и учитель молодых поэтов, в числе которых были Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Ман-

дельштам. «Стихийный гений» Константин Бальмонт — еще один из «старших» символистов; безупречный строгий реалист Бунин — почетный академик с 1909 года; «король поэтов» Игорь Северянин; два юмориста и сатирика — Саша Черный и Дон-Аминадо, которым журнал «Сатирикон» (СПб., 1908–1914) во многом обязан своей популярностью. Для всех них, исключая Бунина, время расцвета и восторженного признания осталось в прошлом, но творческий путь продолжался. Всем им пришлось в чем-то меняться, и некоторым это пошло на пользу. В литературной жизни русской эмиграции почти все они продолжали играть важную роль.

В сборнике нет стихов Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, которых тоже можно считать мэтрами в поэзии Серебряного века. В русском Париже, как прежде в Петербурге, они собирали у себя писателей, поэтов и художников, создав кружок «Зеленая лампа» (отсылка к пушкинской эпохе). Однако критические статьи и проза этих авторов, их участие в общественной жизни гораздо значительнее стихов, созданных в эмиграции. Не помещаем мы и стихи Марины Цветаевой: они уже давно и прочно вошли в культурный обиход по нашу сторону границ, их нет нужды «открывать» для читателей.

Сборник можно было бы составить по географическому принципу. Эмигранты первой волны покидали Россию разными путями, и таким образом возникло несколько центров русской культурной жизни за рубежом. Из Константинополя, куда с Белой армией бежали сотни тысяч людей, эмигранты потоками растеклись по странам, где принимали русских людей: в Югославию, Болгарию, Чехословакию, — там была возможность выжить и даже получить образование. Многие оказались в Аргентине — в основном казаки, готовые работать на земле. Для тех, кто уезжал или бежал напрямик на Запад, на какое-то время прибежищем стал Берлин; для тех, кто оказался на Востоке, — Шанхай и Харбин. Совсем немногие из этой волны до начала Второй мировой войны смогли добраться до США, но и там были свои литературные кружки и русские издания. Однако такое распределение материала не помогло бы создать цельную картину.

За мэтрами Серебряного века следуют авторы, которые начали печататься еще до революции, но по-настоящему состоялись только в эмиграции. Двое из них оспаривали титул лучшего поэта русского зарубежья — это Владислав Ходасевич и Георгий Иванов. Другие менее у нас известны, но в стихах каждого присутствует не-

повторимое своеобразие — при том, что темы их стихов во многом схожи. Все они пишут об утраченной России и пытаются осмыслить эмигрантскую судьбу. В их творчестве еще слышны отзвуки Серебряного века, но есть и поиск новых форм: это заметно и в последних стихах Владислава Ходасевича, и в поздних, уже послевоенных стихах Георгия Иванова.

Среди поэтов этого поколения несколько авторов выделяются не столько литературной, сколько человеческой судьбой. Авторы, о которых шла речь ранее, были свидетелями трагических событий, но стихи писали и те, кто в этих событиях активно участвовал. Среди воинов Белого движения были настоящие поэты: казаки Николай Туроверов и Александр Перфильев и «русский финн» Иван Савин (Саволайнен). Особое место среди них занимает мать Мария — Елизавета Юрьевна Скобцова, поэт Серебряного века. Во время Второй мировой войны мать Мария погибла в концлагере, так же как Раиса Блох и Юрий Мандельштам, чьи стихи включены в этот сборник.

В 1930-е годы жизнь русского Парижа была насыщенной событиями, яркой и внешне даже праздничной. Леонид Зуров, писатель, человек, близкий к семье Бунина, назвал Париж этих лет «веселым» для русской эмиграции и «жадным» и описывал его так:

«Казалось, зарубежные силы неисчерпаемы... Встречи художников на Монпарнасе, вечера в зале Лас-Каз, толстый литературный журнал, две независимые ежедневные газеты, много издательств. Центр зарубежной эмиграции. Шаляпин, Рахманинов, Глазунов, Корвин, Сомов, Бенуа... Куприн, Зайцев, Ремизов, Шмелев, Алданов и Мережковские... Множество всевозможных союзов, землячеств и объединений. Эмигранты Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и Одессы. Живая история старой жизни, революции, Гражданской войны и всех эвакуаций. Рестораны, перекочевавшие из Константинополя, цыгане, которые певали у Яра и в Новой Деревне. Все бодрые, полные надежд и возбуждения. Зима. Литературный сезон. <...> Елисейские Поля играли всеми огнями, легкое зарево стояло в небе. Ветер волновал пламя под Триумфальной аркой»*.

Однако далеко не все прекрасно себя чувствовали в этом Париже. Чуткий Александр Вертинский — поэт и актер, исполнитель собственных «песенок» — переживал ту же эпоху как мучительный надрыв и чувствовал в общем веселье фальшь: за ним часто скрывалось отчаянье.

* Л.Ф. Зуров. «Дон-Аминадо». Очерк. «Новый журнал», № 90, Нью-Йорк, 1968.

В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю,
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою.
<...>
Звенят, гудят джаз-банды,
Танцуют обезьяны
И бешено встречают Рождество.
А я, кривой и пьяный,
Заснул у фортепьяно
Под этот дикий гул и торжество.

«Желтый ангел»

Подробнее Вертинский рассказал об этом времени в своих воспоминаниях «Дорогой длиною».

Особенно остро боль неприкаянного, обреченного существования без родной почвы ощущала эмигрантская молодежь. Подросткам, вывезенным из России, еще только предстояло найти свой путь в литературе. Самый известный автор этого поколения — Владимир Набоков, но он состоялся как прозаик, и мы не включили в сборник его ранние стихи. Наиболее талантливым поэтом эмигрантская критика называла рано умершего Бориса Поплавского. Полагают, что именно он дал название

течению эмигрантской поэзии, к которому сам не принадлежал, но о котором отзывался высоко, — «парижская нота». Поплавский описал ее тремя словами: «торжественная, светлая и безнадежная».

Основатель этого направления — Георгий Адамович, поэт-акмеист, друг Николая Гумилева и Георгия Иванова, участник «Цеха поэтов», еще до революции издавший два сборника стихов. Он много писал о том, какими должны быть стихи. По его словам, творчество — это «правда слова, соединенная с правдой чувства». Главные темы в поэзии «парижской ноты» — одиночество, любовь и смерть, а за простыми точными словами всегда должен сквозить «трансцендентальный ветерок», и чтобы все слегка двоилось... Как говорил Георгий Адамович, «грусть мира поручена стихам».

Этому направлению принадлежало несколько поэтов из молодого поколения эмигрантов: Юрий Мандельштам, Ирина Кнорринг, талантливейший Анатолий Штейгер — все они рано ушли из жизни.

В сборнике представлено также несколько других поэтов первой волны эмиграции, шедших своим путем и не принадлежавших ни одному из направлений: Вера Булич, Юрий Одарченко, Лидия Алексеева. О каждом из них, как,

впрочем, и вообще о каждом из поэтов, чьи стихи вошли в эту книгу, можно было бы написать отдельную новеллу, а о некоторых и целый роман, остросюжетный и захватывающий. Права была Ахматова, заметившая во время судебного процесса над Бродским: «Какую биографию, однако, делают нашему рыжему!» Поэту, чтобы состояться, необходима «биография» — глубокий опыт жизни. Мы предлагаем читателям лишь краткие, пунктирные биографические сведения об авторах, с чьими стихами они познакомятся. Нам не удалось найти сведений о наследниках некоторых поэтов, приносим правообладателям глубочайшие извинения и просим их любезно откликнуться.

Судьбы поэтов были разными, но есть в них одна общая черта: все они больше всего хотели вновь оказаться на родине — хотя бы своими стихами. Это нужно не только поэтам, но и нам, читателям.

СТИХОТВОРЕНИЯ

7.
н.
lmsnqn

Вячеслав Иванов

(1866–1949)

ЯЗЫК

Родная речь певцу земля родная:
В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубровным ворожит
Внушенных небом песен мать земная.

Как было древле, — глубь заповедная
Зачатий ждет, и дух над ней кружит...
И сила недр, полна, в лозе бежит,
Словесных гроздий сладость наливная.

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн, их свадебная встреча;
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня, —
Творенья духоносного предтеча.

1927

* * *

«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиною соленой
Певцом посажен при луке,
Растет в молве укорененный,
Укорененный в языке.

И небылица былью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь.
Отступит море, — дуб не вянет,
Пока жива родная речь.

1944

Константин Бальмонт

(1867–1942)

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь гулкий Париж и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.

А там на черте бочагов — незабудки,
И в чаще — давнишний алкаемый клад.

Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в прямом цветенье болотные травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здесь в близком и в точном — расчисленный разум,
Чуть глянут провалы, он шепчет: «Засыпь».
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах злоеущая выпь.

Здесь вежливо холодны к Бесу и к Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом *там*.

РАЗЛУЧНОСТЬ

Я с вами разлучен, деревья,
Кругом ненужный мне Париж,
А там, где вы, вдали кочевья
Звнящих пчел, улыбка девья
И солнце — праздник каждодневья.
Зеленовейность, воля, тишь.
А там, где вы, любая мушка
Звенит Создателю хвалы,
Лесная вся в цветах опушка,
И, одиноких грез подружка,
Кукует гулкая кукушка
В душистом царстве нежной мглы.
Я с вами разлучен, щеглята,
Что звонко пели мне в окно,
Вся вольность от меня отъята,
И все мое неволей взято,
Мне помнится — я жил когда-то,
Но это было так давно.

1918

Иван Бунин

(1870–1953)

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

1918